

торуя ставить подъ покровъ извѣстнаго стиха Буало. „Вы видите, что я говорю все на чистоту, — заявляетъ онъ Марэну, — что въ моемъ слогѣ нѣтъ ни умолчаній, ни словечекъ, ни дутыхъ фразъ, ни смѣшныхъ церемоній, ни пошлой экономности; какъ Буало, —

Je ne puis rien nommer, si ce n'est par son nom;

J'appelle un chat un chat...

а Марэна я называю торговцемъ мемуарами, литературой, цензурой, новостями, шпионствомъ, ростомъ, интригами, etc., etc., — цѣлыхъ четыре страницы etc. Но спорить съ такимъ противникомъ становится для Бомарше невыносимымъ. „Первое несчастье для человѣка, — объясняетъ онъ ему въ концѣ своего отвѣта, — конечно, то, когда краснѣешь за себя; но второе наступаетъ, когда за тебя краснѣютъ другіе. Впрочемъ, я не знаю, зачѣмъ я говорю вамъ всѣ эти вещи, которыя вы не можете даже понять. Я удаляюсь; вѣдь я еще могу что-нибудь утратить. А вы... вы можете смѣло идти всюду“. Для заурядныхъ противниковъ у него на-готовѣ другой тонъ, насмѣшливый и небрежный. Одинъ свидѣтель, Бертранъ Д'Эроль, ссылаясь на безпамятство каждый разъ, когда могъ показать въ пользу Бомарше. „Какая прекрасная тема для конкурса хирургической академіи на 1774 годъ! Золотую медаль тому, кто объяснитъ, какимъ образомъ мозгъ бѣднаго Бертрана могъ внезапно расколоться на-двое, и вызвать въ его головѣ память, столь счастливую для однихъ фактовъ, столь несчастную для другихъ, — какъ кузенъ Бертранъ сталъ вдругъ параликомъ одною стороною ума, и притомъ необыкновенно курьезнымъ для любителей способомъ, — часть памяти, обвиняющая Марэпа, парализована безвозвратно, тогда какъ часть оправдывающая здрава, невредима и сіяетъ такимъ хрустальнымъ блескомъ, что мельчайшія подробности отражаются въ ней, какъ въ зеркалѣ“. Когда же постоянная трата энергіи доводила его до изнеможенія, и онъ съ печальной ироніей говорилъ друзьямъ: „ну, чтожъ! еще нѣсколько новыхъ враговъ, еще нѣсколько мемуаровъ, и репутація моя станетъ бѣла, какъ снѣгъ!“ — его рѣчь охватываетъ неподдѣльный паѳосъ, и съ устъ его возносятся, въ отвѣтъ на „мемуары, газетныя статьи, циркуляры, ругательства и тысячу-одну диффамацию“ — „молитва къ Благому Существу“ (Etre bienfaisant), одинъ изъ классическихъ образцовъ французской прозы. Ему пригрезилось, что Богъ возвѣщаетъ ему, что ему суждено испытать не мало несчастій, дабы не возгордиться благополучіемъ; „его будутъ раздирать на части тысячи враговъ, его лишатъ свободы, имущества, обвинять въ